

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

ОБ ЭТИКЕ АКТЕРА

И ЭТИКЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА

«КУМИРЫ»
И ПОКЛОННИКИ

Их сразу можно отличить от всех других писем редакционной почты. Аккуратно заклеенный конверт, приложение — вышитый платочек или цветок, иногда фотография, рисунок. И неизменная просьба передать по назначению: М. Магомаеву, Ю. Гуляеву, Г. Отсу, Э. Хилу,

многим другим известным певцам. Чаще всего это не просто восхищение талантом. Юные поклонники называют артистов своими кумирами. «Я хочу сказать, что первый раз в жизни люблю, — пишет в редакцию Людмила Ш. — Вы знаете этого чело-

века. Я пыталась понять, почему именно он. Но так ничего и не придумала. Все, что я знаю о нем, узнаю в то время, когда он поет».

— Что вы думаете об этом! — спросили мы у народного артиста СССР Мусы Магомаева.

Скорее всего он бы и не ответил на это переданное ему редакцией письмо. Так он сам сказал, когда прочел испанскую неуверенной рукой страницу.

— Не слишком ли сурово?

— Может быть, — проговорил он раздумчиво, словно сожалея о чем-то. — Я бы написал ей, если бы... Много их, этих «если бы...»

— Вот и давайте поговорим о них.

Так начался диалог нашего корреспондента с Мусой Магомаевым об этике отношений между артистом и зрителем, об истинных и мнимых ценителях артистического таланта, о «бремени славы», о жизни и труде певца.

Корреспондент: Что удерживает вас от ответа на письмо этой девушки?

М. Магомаев: В нем речь идет не столько о моем пении, сколько обо мне самом.

Корреспондент: Вы говорите об этом с грустью. Почему?

М. Магомаев: Как можно, не имея ни малейшего представления о человеке, обращаться к нему со столь странными признаниями. Допускаю, что выбор песенного репертуара, манера исполнения, поведение на сцене в какой-то мере способны «рассказать» зрителю о человеческом «я» артиста, приоткрыть его внутренний мир, поведать о некоторых особенностях его характера. Но этого слишком мало. Это может служить лишь отправной точкой домысла. Человек начинает наделять побывшего ему исполнителя все новыми и новыми придуманными чертами, выстраивая в душе, в мыслях «идеальный» образ. И создает миф... Я ежедневно получаю десятки, а то и сотни писем, адресованных такому мифическому Магомаеву.

Корреспондент: И поэтому не отвечаете на них?

М. Магомаев: Если бы я попытался ответить, то ни на что другое у меня не осталось бы ни минуты времени. Да и что отвечать? Однажды, выступая по радио, я шутиливо заметил, что авторы таких писем, очевидно, обладают телепатией. Как иначе объяснить их «знание» всех человеческих достоинств артиста, с которыми они встречаются только в концерте или на голубом экране?.. После этого мне посыпались гневные письма о том, что я оскорбил «высокие чувства» своих поклонниц. Вот уж чего я никак не хотел. Шутить, как видите, тут нельзя. Надо говорить всерьез.

Корреспондент: Может, вспомнить известную истину: «Не сотвори себе кумира»?

М. Магомаев: Вот именно, «не сотвори»... Слепое поклонение чему-то ты ни было обедняет человека, сужает окружающий мир, фокусирует его сознание, чувства на каком-то одном «идоле». Не могу без огорчения, а еще, вернее, без боли не думать о некоторых молодых людях, буквально одурманенных поклонением известным артистам. Они преследуют их, преступая все этические нормы. Автограф их уже не удовлетворяет. Им нужна «реликвия». Это может быть вырванный из рук платок, шарф, пуговица от пальто, недокуренная пачка сигарет. Такое «поклонение» не радует, не возвышает, а унижает артиста: разве может ему быть приятна мысль, что он становится причиной утра-

ты некоторыми молодыми людьми человеческого достоинства?

Корреспондент: Когда вы говорите слово «кумир», в вашем тоне чувствуется ирония. Вы против этого определения?

М. Магомаев: Нет, конечно. Кумир — слово в принципе хорошее. Это властитель чувств, эмоций. Но каких эмоций — вот в чем вопрос. Уже много дней я, например, хожу под впечатлением совершенно, по-моему, изумительной игры Иннокентия Смоктуновского в спектакле «Царь Федор Иоаннович» в Малом театре. Такой глубины перевоплощения, драматизма, такой силы способен достичь лишь актер высочайшего таланта. Вполне могу назвать Смоктуновского своим кумиром, потому что, видя его на сцене, испытываю возвышенные чувства. Но ведь бывает и иначе. Кумирами для многих молодых людей на Западе в свое время были, например, известные всем битлз. Все в их репертуаре, в манере исполнения преследовало одну цель: вызвать у слушателей эмоциональный взрыв. Концерты нередко завершались истерией зрительного зала... Исполнитель, пробуждающий низменные эмоции, несущий людям своеобразную духовную марихуану, заслуживает совершенно иных эпитетов. «Кумирами» такие становятся в обществе, где молодые оказывается в дебрях неразрешимых социальных проблем. Разумеется, не с таким категорическим отрицанием, а просто с иронией я воспринимаю слово «кумир», когда читаю его в иных адресованных мне письмах. «Вы мой кумир!» — восклицает какая-нибудь юная поклонница. И тут же рекомендует мне свои средства «завоевания» зрителей. Для этого, оказывается, необходимо сушить пустаки: надо выходить на эстраду не в смокинге, а во фраке или носить не бабочку, а яркий польский галстук, или изменить прическу. Иногда с той же целью мне советуют «петь шепотом». Это еще куда ни шло — как-никак речь идет о моем «творческом почерке».

Корреспондент: А кого можно считать истинным ценителем артистического таланта?

М. Магомаев: Почти на каждом концерте я вижу в зале знакомые лица. Признаюсь, такие встречи для меня большая радость. Они необходимы каждому артисту. Когда человек приходит на твои концерты много раз, начинаешь чувствовать особую ответственность перед ним, внимательно следишь за его реакцией, хочешь сегодня петь для него лучше, чем вчера. Наверное, это и есть истинные и самые верные ценители моего пения. Не знаю ни их имен, ни фамилий. Думаю, однако, что те письма, в которых содержится наиболее интересный, глубокий анализ моих выступлений и действительно толковые советы, а порой и обоснованная критика, приходят от них.

Корреспондент: Но ведь далеко не все бывают на ваших концертах. Миллионы людей слушают вас, сидя у телевизоров, по радио.

М. Магомаев: Когда концерт передается по телевидению, я словно бы воочию вижу, как неизмеримо раздвигаются рамки зрительного зала. И далекие, невиди-

мые мои слушатели все равно со мной. Как-то я получил письмо от одной телезрительницы, в котором были такие строки: «На этот раз вы пели ниже своих возможностей. И у меня было искушение выключить приемник, чтобы не разочаровываться...» Ее я тоже причисляю к истинным своим почитателям. Есть в их числе и такие, от которых я не получаю никаких писем, но которые время от времени присылают мне две-три красные гвоздики.

Корреспондент: А в чем состоит этика отношений артиста уже не с отдельными его поклонниками, а, скажем, обобщенно — с публикой?

М. Магомаев: Во взаимном понимании и уважении. Это главное. А как их достигнуть... Артист не вправе рассчитывать на легкий успех, должен иметь мужество иной раз и (не боюсь этого слова) навязать публике свой вкус. Я стараюсь, чтобы слушателям понравилось то, что люблю сам. Некоторым горячим поклонникам классики не по душе, что в своих сольных концертах я совмещаю классические произведения с эстрадными песнями советских и зарубежных авторов. По-моему, нет ничего кощунственного в одновременном служении этим «двум музам». Это доказали Марио Ланца и многие другие известные певцы.

Корреспондент: Говорят, вам не нравится, когда во время концерта кричат из зала: стойте то, стойте это...

М. Магомаев: Да, я весьма осторожно подхожу к «заказам» из зала. Это и понятно: если выполнять их все без разбора, то нарушится строго продуманная, выношенная программа концерта.

Корреспондент: Однако с требованиями публики, видимо, нельзя не считаться? Ведь от этого в немалой степени зависит успех, слава артиста...

М. Магомаев: Слава бывает разная. Заслуженная, дутая, скандальная... Подлинная слава та, которая держится долго. Примером сколько угодно: С. Лемешев, И. Козловский. А каким успехом пользуются многие десятилетия К. Шульженко, Л. Утесов. Если бы сейчас был жив Марк Бернес, уверен, люди, как и прежде, ломались бы на его концерты. Эти мастера оперного и эстрадного искусства завоевали огромную известность тяжелым трудом, принципиальным отношением к творчеству. Тот же, кто «заигрывает» с публикой, руководствуется конъюнктурными соображениями, слепо следуя за модой, рискует все чаще уходить со сцены под стук собственных каблучков... Бесспорно, к требованиям публики необходимо прислушиваться, надо откликаться и на «заказы» из зала. Но только не на такие, какой сделали мне однажды в Ленинграде, в Кировском театре, где я пел партию Фигаро в «Севильском цирюльнике». После спектакля выхожу поклониться зрителям и вдруг слышу громовой голос откуда-то с галерки: «Давай «Королеву красоти!»». Как бы я выглядел в глазах серьезных ценителей оперного искусства, если бы согласился, явно не ко времени и не к месту, спеть эту эстрадную песню?..

Корреспондент: Известно

выражение «бремя славы». Что это такое?

М. Магомаев: Прежде всего приятное бремя. Едва ли найдется певец, который скажет, не солгав, что он не любит славы. Вместе с тем это и нелегкое бремя. У нас в стране немало прославленных артистов. Их слава — признание народа. Естественное, это ко многому обязывает. Это серьезное испытание на человеческую прочность. И какова его тяжесть, известно лишь самому артисту. Прежде всего он сам должен быть беспощадным своим судьей, чтобы, находясь на вершине всеобщего внимания, не заболеть «звездной болезнью», не переопенить свои силы, не остановиться в творческом росте. Чем больше известность, тем, как ни парадоксально, легче споткнуться, упасть. Достаточно двух-трех неудачных выступлений, чтобы перечеркнуть многое, достигнутое годами. Необходимо поэтому всегда быть в наилучшей творческой форме. А это дается непросто. Наивно полагать, как думают некоторые, что жизнь певца, балерины, актера — сплошной праздник: овалции, цветы, улыбки... Для каждого из нас, как и для человека любой другой профессии, главное — целеустремленность, преданность любимому делу, труд, требующий отдачи всех сил. И еще не угасающее чувство новизны каждой встречи со зрителем... Девятнадцать лет я на профессиональной сцене. Казалось бы, пора уж привыкнуть к рампе, к тысячам устремленных на тебя глаз. Не получается. И хорошо, что не получается, что каждый раз, выходя на эстраду, я чувствую себя так, будто делаю это впервые в жизни.

Корреспондент: «Бремя славы», очевидно, имеет еще немало и других сторон. Не мешало ли вам это?

М. Магомаев: Если я скажу «да», то, боюсь, многих огорчу. Если — «нет», то покривлю душой. Как видите, положение у меня трудное... Какой бы «знаменитостью» ни был артист, он такой же человек, как и все. У него есть семья, дети, ему нужно заглянуть в магазин, хочется посидеть в кафе, выехать на природу... По секрету скажу: за покупками мне ходить просто противопоказано — обязательно найдутся желающие посмотреть, как Магомаев примеряет ботинки или какую он выбрал сорочку... А вот продавцы фирменного магазина «Мелодия», что на Калининском проспекте, с «противопоказанием», пожалуй, не согласятся. Как-то завернул я к ним — надо было выбрать несколько пластинок в подарок другу. Покупатели немедленно бросились в отдел эстрадной музыки, и я целый час давал им автографы на приобретенных здесь же грамдисках. В общем, если магазин перевыполнит план товарооборота, то я наравне с продавцами вправе рассчитывать на премию...

Корреспондент: Куда вы деваете цветы, которые вам дарят на концертах?

М. Магомаев: Эти цветы не мне. Они нашей песне, нашей музыке, нашему советскому искусству, у которого миллионы самых горячих поклонников.

Беседу вел наш спец. корр.

Вл. БУТ.